

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314

УДК 342.3

Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами

А. В. НАУМОВ

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Реферат. В статье рассматривается исторический опыт сохранения территориальной целостности государства путем принятия уголовных законов. Делается это на примере двух таких попыток в истории российского государства: Временным правительством после Февральской революции 1917 г. и во время горбачевской перестройки в связи с решением союзных республик Прибалтики обрести государственную самостоятельность. В обоих случаях законодатели приняли строгие уголовные законы, которые, однако, оказались неспособными предотвратить нарушение территориальной целостности государства. Так, например, при Временном правительстве была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России или «на отторжение от России какой-либо ее части» (виновные даже подвергались пожизненной или срочной каторге). Второй опыт, также неудачный, относится к весне 1990 г., когда прибалтийские республики (Литва, Латвия и Эстония) заявили о своей государственной независимости. На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными, поскольку они противоречили Конституции СССР. Общесоюзная власть, зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Так, в интервью для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г. Президент СССР, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем сказал, что страна не может разделиться. Итог этого законодательного «поединка» известен и датируется декабрем 1991 г.

Что же должен извлечь законодатель из этих исторических уроков? Самое главное, он должен усвоить, что существуют пределы возможностей уголовного закона в достижении политических и социально-экономических целей.

Ключевые слова: уголовный закон; социальные функции уголовного закона; территориальная целостность государства.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Наумов А. В. Об историческом опыте сохранения территориальной целостности государства уголовно-правовыми средствами. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):309–314. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314.

On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means

A. V. NAUMOV

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

Abstract. The article examines the historical experience of preserving the territorial integrity of the state through the adoption of criminal laws. This is done using the example of two such attempts in the history of the Russian state (by the Provisional Government after the February Revolution of 1917 and during Gorbachev's perestroika in connection with the decision of the union republics of the Baltic states to gain state independence). In both cases legislators passed strict criminal laws, which, however, proved unable to prevent violation of the territorial integrity of the state. For example, under the Provisional Government criminal liability was increased for violent encroachments on changing the existing state system in Russia or "to tear away any part of it from Russia" (the perpetrators were even subjected to life or urgent hard labor). The second experience, also unsuccessful, dates back to the spring of 1990, when the Baltic republics (Lithuania, Latvia and Estonia) declared their state independence. The extraordinary Third Congress of People's Deputies of the USSR immediately reacted to this, recognizing these decisions as invalid as contrary to the Constitution of the USSR. The all-Union power, recorded in the decisions of the congresses of people's deputies, almost openly announced to the republics that their withdrawal from the USSR was impossible and they had nothing to hope for in this sense. So, in an interview for Soviet and French television in November 1990, the President of the USSR, recognizing that the Constitution of the USSR provides for the right to self-determination up to the secession of a republic and referring to the existence of a special mechanism for this exit, at the same time said that he had come to the conclusion, the country cannot be divided. The outcome of this legislative "fight" is known and dates back to December 1991.

What should a legislator learn from these historical lessons? Most importantly: he must firmly grasp that there are certain limits to the possibilities of criminal law to achieve political and socio-economic goals.

Key words: criminal law; social functions of the criminal law; territorial integrity of the state.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Naumov A. V. On the historical experience of preserving the territorial integrity of the state by criminal law means. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):309–314. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-309-314.

В истории России можно выделить несколько попыток сохранения территориальной целостности страны уголовно-правовыми средствами.

Так, при Временном правительстве, примерно через полгода после Февральской революции 1917 г., Постановлением от 4 августа была принята новая редакция ст. 100 и 101 Уголовного уложения. Тем самым была усилена уголовная ответственность за насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России или «на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов верховной государственной власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую» (виновный подвергался пожизненной или срочной каторге, а за пригото-

вление к этому преступлению – заключению в исправительном доме или в крепости, если же при приготовлении виновный имел в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, содеянное наказывалось каторгой до восьми лет).

Как оценить такое ужесточение уголовного закона? Было ли оно необходимым и своевременным? И если да, то почему, как свидетельствует история, оказалось безрезультатным? В принципе, Временное правительство верно оценивало сложившуюся ситуацию и главным противником стабилизации положения внутри страны и на фронте видело анархистов и большевиков, поэтому принимаемые правительством законодательные уголовно-правовые акты были в этом смысле своевременными и

необходимыми [6, с. 420–421]. Однако, как известно, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов и иных нормативных актов в действие: во-первых, путем их добровольного исполнения теми, кому они адресуются (идеальный вариант); во-вторых, посредством их принудительного исполнения. Временное правительство не располагало ни первым, ни вторым, в результате уголовно-правовые нормы превращались в ничего не значащие слова.

Второй опыт, также неудачный, относится к весне 1990 г. [7, с. 410–417]. Прибалтийские республики стремились к независимости. 10–12 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР объявил о «восстановлении независимости Литовского государства», «отмене действия Конституции Литовской ССР и Конституции СССР на территории республики». На это немедленно отреагировал внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, признав эти решения недействительными, поскольку они противоречили ст. 74 («Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР») и ст. 75 («Территория Союза Советских Социалистических республик едина и включает территории союзных республик. Суверенитет СССР распространяется на всю ее территорию») Конституции СССР. Съезд подтвердил конституционное право союзной республики на самоопределение, одновременно указав, что «союзная республика вместе с тем не может при выходе из него игнорировать вытекающие при этом политические, социально-экономические, территориальные, правовые и другие проблемы». В связи с этим съезд оценил «решения Верховного Совета Литовской ССР как не имеющие законной силы». В соответствии с постановлением съезда только что избранный Президент СССР направил телеграмму в адрес Верховного Совета Литовской ССР и Председателя Верховного Совета Литовской ССР следующего содержания: «Направляю Постановление внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР, принятое 15 марта 1990 г. В трехдневный срок сообщите о мерах по реализации данного Постановления».

Однако стороны расценили эту ситуацию по-разному. Привычного «вытягивания по стойке смирно» и рапорта «слушаюсь» со стороны руководства Литовской республики в ответ на президентскую команду не последовало. В свою очередь Центр объя-

вил Литве экономическую блокаду, которая ухудшила экономическое положение республики (а учитывая сложные хозяйственные связи, сложившиеся в Союзе, и не только этой республики) и вызвала новый виток конфронтации.

Сходную с Литвой позицию заняла Эстонская ССР, чей Верховный Совет принял 30 марта 1990 г. Постановление «О государственном статусе Эстонии», а 16 мая 1990 г. Закон «Об основах временного порядка управления Эстонией» и, наконец, в августе того же года Постановление Верховного Совета «Об отношениях Эстонской республики и Союза Советских Социалистических Республик», в которых были объявлены не действующими на территории Эстонии Конституция СССР, законы СССР и Конституция Эстонской ССР, а также было заявлено об отказе вести переговоры с Союзом ССР на базе этих правовых документов. Указом Президента СССР от 19 мая 1990 г. и Заявлением от 12 августа 1990 г. эти постановления были признаны неконституционными и объявлены недействительными с момента их принятия. Такие же законы приняла и Латвия. Аналогичным было реагирование Президента СССР и на эти решения.

Руководство СССР отдавало себе отчет в том, что центробежные тенденции союзных республик могли приобрести и насильственные формы их реализации. И средством противодействия таким тенденциям стал Закон СССР от 2 апреля 1990 г. «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР». В соответствии с ним устанавливалась, в частности, строгая уголовная ответственность за призывы к насильственному свержению или изменению советского государственного и общественного строя или насильственному нарушению единства территории Союза ССР и рекомендовано данный уголовно-правовой запрет предусмотреть в законодательстве союзных республик. Но ни РСФСР, ни другие республики «не заметили» этой рекомендации союзных властей и продолжали начавшуюся борьбу с их зависимостью от Центра. Они (одна за другой) принимали декларации о суверенитете своих республик и пытались обрести государственную самостоятельность. В июне 1990 г. такую декларацию принял I Съезд народных депутатов РСФСР (следом подобные законы приняли парламенты Украины, Армении, Грузии, а также и некоторые автономные республи-

ки – Татарстан, Башкирия, Коми и др.). При этом в российском (РСФСР) законе определялось в числе прочего и следующее: «Верховенство Конституции РСФСР и Законов РСФСР на всей территории РСФСР; действие актов Союза ССР, вступивших в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается Республикой на своей территории...». Как видно, началась «война законов».

Какова же была реакция руководства СССР? 23 октября 1990 г. был принят Закон СССР «Об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций и иные незаконные действия, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта», в соответствии с которым вводился (в числе других) новый уголовно-правовой запрет – умышленное блокирование транспортных коммуникаций путем устройства препятствий, установки постов либо иным способом, которое повлекло или могло повлечь нарушение нормальной работы железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного или магистрального трубопроводного транспорта. Закон был направлен на предупреждение самовольного выхода республик из Союза ССР. Увы, как и другие законы, этот остался невыполненным (по крайней мере, республики никак на него не прореагировали), нисколько не изменилось и реальное положение в республиках с их неприятием любых директив, исходящих из Центра.

Для союзного Центра наступили трудные времена, в особенности при согласовании союзных и республиканских интересов. К началу I Съезда народных депутатов СССР, то есть к маю 1989 г., в стране уже четыре года велись разговоры о перестройке. Ее истинно экономическое содержание (рынок, разгосударствление и приватизация собственности, свобода предпринимательской деятельности) противоречило «выбору», сделанному в октябре 1917 г. Прибалтийские же республики просили у съезда разрешения на проведение своеобразного эксперимента в стране – отработку новой модели социально-экономического развития республик, основанной на региональном хозрасчете в условиях предполагаемого общесоюзного рынка [9, с. 75].

Формально экономическую самостоятельность прибалты получили. Практически же взаимоотношения Центра и республик оставались те же. Республики не захотели ждать того времени, когда радикальные экономические реформы начнут осущест-

вляться сверху, и недвусмысленно заявили о своем намерении выйти из Союза. Приезд партийно-правительственной делегации лишь усилил это намерение.

Как уже отмечалось, экономическая блокада ухудшила экономическое положение Литовской республики (а заодно и других республик, входящих в Советский Союз) и вызвала новый виток конфронтации. По нашему мнению, это ошибочное решение и стало причиной дальнейшего неблагоприятного развития событий. Центру надо было не чинить прибалтийским республикам препятствия, а *помочь* в их стремлении обрести государственную независимость, поставив при этом единственное условие – интересы иноязычного (некоренного) населения. Этот вариант прошел бы гораздо безболезненнее, мирно, с сохранением дружеских и экономических отношений.

Общесоюзная власть (в том числе и перестроечно-демократическая), зафиксированная в решениях съездов народных депутатов, едва ли не откровенно объявляла республикам, что их выход из Союза ССР невозможен и надеяться им в этом смысле не на что. Вспомним, что в интервью для советского и французского телевидения в ноябре 1990 г. Президент СССР М. С. Горбачев, признав, что Конституция СССР предусматривает право на самоопределение вплоть до отделения той или иной республики, и сославшись на существование особого механизма этого выхода, вместе с тем сказал, что страна не может разделиться.

Фактическая «война законов» (Союза ССР и республик) вызвала на страницах средств массовой информации оживленную дискуссию. По этому поводу высказывались: заместитель председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству К. Лубенченко [3], председатель Комитета общесоюзного парламента по вопросам законности и правопорядка Ю. Голик [1], председатель Комитета Верховного Совета СССР по законодательству Ю. Калмыков [2]. Было высказано немало дельных мыслей и предложений, однако, как это ни странно, во всех выступлениях «главкомов» общесоюзного парламента по законодательству, на наш взгляд, не нашлось места для объяснения *главной* причины неисполнения общесоюзных законов. Дело в том, что «безработные» законы нашего общесоюзного парламента и такие же указы Президента страны и не могли быть иными. Закон, как и нормативный акт любого иного ранга, *способен* стать «трудящимся» лишь при условии, если мо-

жет регулировать общественные отношения, на которые он рассчитан, то есть регулировать волевое поведение людей. Если этому требованию законы не отвечают, они, по справедливому выражению немодного сейчас К. Маркса, превращаются в «пачку бумаги» [4].

Как отмечалось, существуют лишь два способа приведения принимаемых законов в действие: путем добровольного исполнения теми, кому они адресуются (это идеальный вариант), и путем исполнения принудительного. Для первого способа нужно наличие соответствующих мотивов их исполнителей, для второго – способность реализовать санкцию, предназначенную за неисполнение закона. Объединив то и другое, получим желание и силу как необходимые исходные для реализации любого закона. Да, без реальной силы здесь не обойтись. И хотя на словах марксистская теория права всегда критиковала буржуазную школу позитивизма за ее основной тезис о том, что сущностью всякого права является приказ власти, адресованный к подчиненному под угрозой санкции в случае неисполнения приказа, в жизни (на практике) юристы, стоящие даже на ортодоксально марксистских позициях, всегда придерживались в основном позитивистских принципов. И если при принятии закона законодатель не располагает ни доброй волей тех, кому адресован закон, ни силой, способной заставить выполнять требования закона, он может (по тому же Марксу) произвести на свет лишь «мертворожденное дитя» [5, с. 157–181]. Проиллюстрируем эти *избитые* в правовом смысле, но *забытые* в то время нашими законодателями истины.

Законодатель должен твердо усвоить: существуют известные пределы возможностей уголовного закона в достижении политических и социально-экономических целей [8, с. 768]. Вернемся к временам горбачевской перестройки. На что, например, надеялся Президент СССР, издавая указ об изъятии в 15-дневный срок незаконно хранящегося оружия? Неужели не нашлось человека, который бы убедил Президента, что в существующих условиях такое требование неисполнимо, что сроки придется переносить, и значительно, и что, следовательно, принятие такого заведомо невыполнимого указа лишь дискредитирует президентскую власть. Организовать реализацию этого указа при всех даже самых чрезвычайных полномочиях ни за 15, ни за 115 дней было невозможно.

Но Центр исходил, судя по его законодательной деятельности, из уверенности в своей силе, республики же, скорее всего, – из предположения об отсутствии такой силы у Центра (под силой понимаем не карательную силу армии либо правоохранительных органов, а силу отлаженного механизма реализации принимаемых законов). Нагромождение же «безработных» законов и указов свидетельствовало о том, что республики были ближе к реальной оценке своей законодательной потенции.

На первый взгляд, для принципиальных различий между Центром и республиками не было достаточных оснований, и именно на таких позициях стоял, например, Центр. Все признают необходимость нового Союзного договора, который уже разрабатывается и который по-новому определит взаимоотношения. По мнению Центра, это общая, объединяющая посылка. В действительности же эта посылка не только не объединяла противоборствующие стороны, а напротив, *разъединяла* их. Парадокс? Вовсе нет, так как наш вывод закономерно вытекает из *разного* понимания сформулированной выше посылки, а главное, из практических действий Центра по ее реализации. Центр все время говорит об обновленном Союзе и постоянно обещает стать иным, увязывая свое преобразование с будущим Союзным договором и новой Конституцией СССР. На деле же поступает по-иному. Предыдущий анализ законов СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» и от 24 октября «Об обеспечении действия законов и иных законодательных актов Союза ССР» вполне подтверждает это.

Центр, ссылаясь на правовые принципы, исходит из того, что все его законы основаны на Конституции СССР, а декларации о суверенитете республик ей противоречат. Но можно ли их (декларации) на этом основании считать недействительными, отменить? Неуклюжие попытки Центра сделать это показали лишь слабость центральной власти и придали уверенность республикам. К оценке указанных деклараций республик о суверенитете Центру надо было бы подойти по-иному. Провозглашение республиками их суверенитета – это не только политическая, но и *правовая реальность*. Налицо было правовое двоевластие. И именно декларации являлись основой будущего Союзного договора. И Центру надо было бы не уповать на противоречие указанных деклараций действующей Конституции, а в значительной мере с ними счи-

таться. Конфронтации Центра и республик во многом можно было бы избежать, если принятие любого нового общесоюзного закона рассматривать как необходимый шаг вперед на пути создания нового по содержанию Союза республик, а не оставлять все по-прежнему, ссылаясь на то, что старая Конституция действует, а новый Союзный договор еще не заключен. Упреждать события можно и нужно, но не таким путем,

как это было сделано принятием Закона от 26 апреля 1990 г., то есть оставаясь на старых позициях.

Сторонникам возможного сохранения (при всех условиях) Союза ССР рассмотренные перестроечные примеры, конечно же, не могут понравиться. Но, увы, так распорядилась *история*, и лучше всего из этого извлечь уроки не столько на будущее, сколько в настоящем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голик, Ю. Какой закон главнее? / Ю. Голик // Известия. – 1990. – 12 авг.
2. Калмыков, Ю. Будут ли исполняться наши законы? / Ю. Калмыков // Известия. – 1990. – 11 нояб.
3. Лубенченко, К. Безработные законы / К. Лубенченко // Известия. – 1990. – 7 июля.
4. Маркс, К. Сочинения. В 30 томах. Том 6 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. – 762 с.
5. Наумов, А. В. Обретение свободы (правовая хроника перестроечных лет). – Москва : АС, 1992. – 255 с.
6. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В двух частях. Часть I / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 752 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
7. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России. В двух частях. Часть II / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 656 с. – ISBN 978-5-4396-0688-7.
8. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 784 с. – ISBN 978-5-392-25751-5.
9. Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая – 9 июня 1989 г. : стенографический отчет. В 6 томах. Том 2. – Москва : Верховный Совет СССР, 1989. – 479 с. – ISBN 5-206-00082-5.

REFERENCES

1. Golik YU. Kakoj zakon glavnee? [Which law is more important?]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, August 12, 1990. (In Russ.).
2. Kalmykov YU. Budut li ispolnyat'sya nashi zakony? [Will our laws be enforced?]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, November 11, 1990. (In Russ.).
3. Lubenchenko K. Bezrabotnye zakony [Unemployed laws]. *Izvestiya – Izvestia newspaper*, July 7, 1990. (In Russ.).
4. Marks K., Engel's F. *Sochineniya v 30 tomah. Tom 6* [Works in 30 vol. Vol. 6]. Moscow, 1957. 762 p. (In Russ.).
5. Naumov A. V. *Obretenie svobody (pravovaya hronika perestroechnyh let)* [Gaining freedom (legal chronicle of the perestroika years)]. Moscow, 1992. 255 p. (In Russ.).
6. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V dvuh chastyakh. CHast' I* [Crime and Punishment in the History of Russia. In two parts. Part I]. Moscow, 2015. 752 p. (In Russ.).
7. Naumov A. V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V dvuh chastyakh. CHast' II* [Crime and Punishment in the History of Russia. In two parts. Part II]. Moscow, 2015. 656 p. (In Russ.).
8. Naumov A. V. *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. A common part]. Moscow, 2017. 784 p. (In Russ.).
9. *Pervyy s'ezd narodnyh deputatov SSSR, 25 maya – 9 iyunya 1989. Stenograficheskiy otchet v 6 tomah. Tom 2* [First Congress of People's Deputies of the USSR, May 25 – June 9, 1989. Verbatim report in 6 vol. Vol. 2]. Moscow, 1989. 479 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНАТОЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ НАУМОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Национальной премии по литературе в области права. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru

ANATOLY V. NAUMOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the National Prize for Literature of Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>, e-mail: yasenaum34@mail.ru